

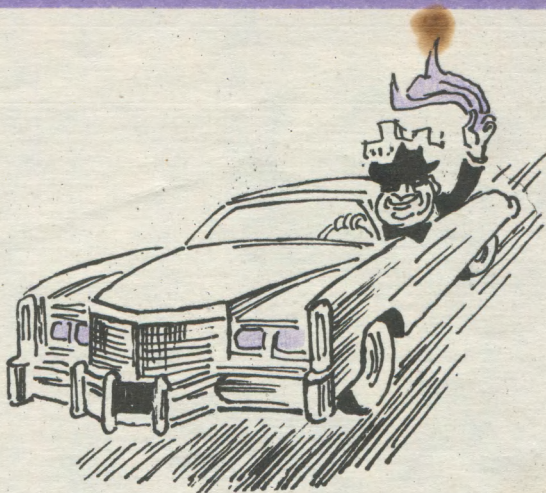
БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

9
(974)

ISSN 0132—2141

ДУРАЦКИЙ СПОСОБ

Подобно тому, как полицейский фоторобот складывает из отдельных черточек, подмеченных свидетелями, портрет преступника, так и из представленных в настоящем сборнике произведений американских сатириков складывается сама собой отталкивающая картина американского «образа жизни». Ценность предлагаемых читателю рассказов и фельетонов не только в их художественно-сатирических достоинствах, но и в том, что они буквально списаны очевидцами с натуры. Сатирический гротеск, применяемый порой авторами, не искажает реальность, а, наоборот, лишь резче высвечивает ее безобразные стороны.

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 9

ДУРАЦКИЙ СПОСОБ

Сборник рассказов и фельетонов
американских сатириков

Рисунки М. АБРАМОВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»
1985

Л. М. Фэллоу

СОБИРАТЕЛИ ПУГОВИЦ

Фрагменты из романа-памфлета американского писателя Л. М. Фэллоу «Оголтелье».

Ог Первый (герой романа), он же Большой Вождь и Главный Шаман страны Огленд, услышал призыв богов — спасти бледнолицых дикарей. Он сел в боевое каноэ и через триста солнц прибыл в Нью-Йорк.

Повествование ведется от лица Ога Первого.

Вообразите обычный день нью-йоркского клерка.

Утром его будит оглушительный треск будильника. Из-за духоты в дико натопленной комнате он не в силах разлепить веки. От сигарет и виски во рту у него такой вкус, словно он съел накануне старый башмак. Нутро как будто обожжено серной кислотой. Почти всю ночь ему мешал спать ребенок, а когда под утро удалось забыться, часы приказывают ему встать.

Он смотрит на свою жену. Что за колдовство, кто эта старая ведьма с ним рядом? В этот ранний час его грозная законная супруга выглядит отнюдь не столь блестяще, как та соблазнительная самка, которая совсем недавно сумела так возбудить его гормоны, что он ринулся очертя голову в расставленный для него капкан. Она встает и хмуро собирает ему завтрак, а он тем временем готовится к трудовому дню. Моется. Полощет горло. Скребет щеки острой бритвой. Напяливает на себя множество стесняющих движения одежд, башмаки, повязывает тугой ошейник. Теперь он готов начать свой день, как две капли воды похожий на остальные.

За завтраком он пьет какой-то сок из консервной банки. Делает колкое замечание супруге из-за подгоревших гренков. Как это она так постаралась? Следует обмен супружескими любезностями. Она закуривает длинную сигарету и презрительно пускает ему дым в лицо, а он глотает яичную слизь и запивает ее мутным кофе, впившись взглядом в часовую стрелку. Потом, нахлобучив шляпу, сует руки в рукава еще одной одежды и выбегает на улицу. Хватает на углу газету и, как крот, ныряет под землю.

С гулом приближается подземный поезд. Стоп. Толпы дикарей, как бараны, сбились в кучу. Двери вагонов раздвигаются. Ньюйоркцы, толкаясь, врываются в вагоны, наступают друг другу на ноги и ругаются. Перронный страж запикивает нашего героя в вагон коленом в зад, но тот и не собирается протестовать против такой грубости. Он мирится с унижением, какого не стал бы терпеть даже скот. Ежедневные путешествия в подземке и домашняя обстановка давно лишили его гордости. Поезд с грохотом несется в черном туннеле. Прижатый грудью и ягодицами к грудям и ягодицам других пассажиров, он качается, как пьяный, в такт движению поезда и развлекается чтением «новостей» в газете — про изнасилования, драки и убийства, про кандидатов на государственные посты, про войны и стихийные бедствия. Стихийные бедствия доставляют ему наибольшее удовольствие: они до некоторой степени мирят его с собственной несчастливой судьбой.

Потом он проталкивается к выходу и с силой пробивает себе дорогу в толпе таких же, как он, полузадушенных людей с помятыми боками и отдавленными мозолями. Наконец он выползает из-под земли, но перед ним — ни неба, ни деревьев. Лавируя среди людского муравейника, он добирается до высоченного небоскреба и втискивается в узкую коробочку, которая взмывает его вверх. Громадные часы отстукивают на карточке, что он явился вовремя.

Под крышей небоскреба он проводит день вместе со многими другими дикарями. Листает бумаги, что-то чиркает на них, разговаривает с кем-то, кому-то невидимому что-то кричит в трубку. Проходит какое-то время, он глядит на часы и бежит поесть. Потом возвращается и делает те же движения, повторяет те же слова и жесты до вечера. Он очень старательный работник, примерный служака, но его не ценят. Один Ог знает, чем он занимается, хотя у них это считается мужским делом. Какой-то бизнес, вернее всего рекламный. Как это ни глупо, но многим дикарям нравится такая работа. Она заполняет время, а нет более несчастного существа, чем американский безработный.

Но вот стрелки показывают, что день окончен, и нью-йоркский дикарь спешит в бар. Ну и денек, жалуется он соседу по стойке. Сколько дел провернул, сколько бумаги исписал! Но зато какой прогресс, какие грандиозные цели! Дикарь осушает второй стакан, внезапно вспоминает о куче бумаг, ожидающей его завтра, и ему становится тошно. Еще стакан, двойную порцию! Под ложечкой сосет. Куда бы поехать — к любовнице? Не домой же, к своей мегере...

Его распирает от сознания собственной добродетельности: целый день трудился как вол, терпел всяческие унижения, так неужто он не заслужил себе право на отдых? Иначе откуда возьмутся силы, чтоб продолжать такую жизнь завтра, послезавтра и через месяц? Он требует еще двойную порцию виски, поворачивается к телевизору и начинает мечтать. Уехать из Нью-Йорка хоть ненадолго. Нет,

навсегда! Добиться места своего шефа, который платит ему гроши и не понимает его. Отомстить всем, кто попирает его и не желает признавать. Выиграть кучу денег. Зажить на широкую ногу, вот так, как сулит проклятая реклама, которую он сам же и сочиняет за письменным столом под крышей небоскреба...

Это лишь набросок, эскиз к портрету нью-йоркского дикаря. Чтоб рассказать о нем подробно, нужно много книг, целые фолианты. Кстате, они написаны. Но еще никто и никогда не объяснил, почему он такой.

Наш герой виновато поглядывает на часы. Перекусить, пожалуй, а после съездить в Центральный парк, послушать модного проповедника Ога, о котором ходит столько разговоров.

И вот он является на мой спектакль. Его микроскопический мозг заинтригован, пленен и восхищен. Ура! Наконец-то нашелся человек, который интересуется его душой. Важный, как Ог, и наверняка премудрый, если его так ценят. Итак, дикарь обретает религию. Он нашел истину. Другие тоже в меня поверили, а он всегда делает то, что другие. Он бросает свои полдоллара в тарелку для сбора пожертвований, и ему записывают отпущение грехов.

Наконец он избавился от мучительного чувства неполноценности, обрел самоуважение. Он пьян своей свободой, он как бы заново родился. По этому поводу он идет в бар, выпивает два стакана крепкого виски, звонит по телефону своей милашке и улаивается с ней отпраздновать спасение души.

Я довольно скоро понял, какое огромное значение придают дикари-американцы цвету кожи. Эти отсталые, суеверные люди отдают предпочтение белой коже перед черной, коричневой, красной и желтой. Кому бы пришло в голову посадить в саду одни лишь белые цветы — даже лилии; как это было бы скучно, пресно, безжизненно! Но дикари полагают, что их дряблая белая кожа лучше любой другой, поэтому они тщательно изолируют себя от цветных. Их законы, их боги говорят, что все люди равны, но двуличие — вторая натура американцев, и они каждый день нарушают свои законы и божьи заповеди. Себя они считают небожителями. Все к их услугам, все для их удовольствия — хорошая еда, вина, красивая одежда, удобные дома, церковные клубы, все технические новшества. Цветным же, по милости белых небожителей, остаются лишь отбросы, которые они тоже должны заслужить тяжким трудом.

Такова система, провозглашенная дикарями самой достойной и самой совершенной.

Во время вечерних прогулок я мог наблюдать лишь жизнь низов. Из любого положения есть выход. Я нанял хорошего гримера, и этот парень оказался настоящим волшебником: он сделал меня белым (за деньги в Америке можно сделать все!). Затем портной, получивший приличное вознаграждение, превратил меня в настоящего денди.

И тогда, нацепив золотистый парик, придававший мне слащавый вид, воткнув в петлицу белую гвоздику, я начал выезжать в свет.

Главное — пустить пыль в глаза! Дикари были в восторге от поддельного красавца. Они решили, что в его жилах течет голубая кровь. Притворяясь демократами, они в душе обожают громкие титулы. Я назвался графом Монте-Киско и сорил деньгами вовсю.

Передо мной открылись все двери — ювелирных магазинов, театров, шикарных ночных кабаре, домов нью-йоркских богачей. Один важный-преважный епископ пожелал завербовать меня в члены своего клуба. Только самым большим снобам открыт доступ в этот роскошный клуб. Я стал желанным гостем всех гостиных и салонов. Меня приглашали на обеды и коктейли. Новые друзья из высшего класса порой оказывали мне честь, прося у меня денег взаймы.

Я бросился в этот сумасшедший водоворот, чтобы получить более полное представление о дикарях. Я изучал жизнь «сливок общества». Все эти дикари со знаком превосходства — долларовым знаком, запечатленным на их бледных лицах, напоминали мне жирных котов, залезших на самую верхушку мусорной свалки. Меня избирали в члены правления разных корпораций, приглашали на заседания благотворительных комитетов. Жирные коты могут радоваться собственному благополучию только при виде тощих.

На каждом приеме я знакомился с сотней знаменитостей — деятелями рекламы и коммерции, законодателями мод, финансовыми тузами и сортировщиками мусора из бульварных газет. У одних глупость была на лице написана, другие старательно делали умное лицо, третьи были вообще безлики.

В литературных салонах я встречал литературных львов. Это были покорные бесхребетные существа, лишенные зубов и когтей. В своих творениях они с нежностью изображали дикарей, как те того требовали, и, безоговорочно принимая дикарскую систему, воспевали ее, подобострастно виляя хвостом. Это называется у них свободой творчества.

Один дикарь очень любил пуговицы. Он их жадно собирал. Но чем больше у него их становилось, тем больше он желал иметь еще. Вскоре он стал обладателем колоссального количества пуговиц, какое лично ему никогда не понадобилось бы. Однако он продолжал собирать пуговицы. Он сделал это своим постоянным занятием: давал пуговицы взаймы, под залог, прибегал к любым сомнительным сделкам, лишь бы завладеть новыми богатствами. Все казалось ему мало. Страсть к пуговицам превратилась у него в манию.

Он складывал пирамиды из пуговиц, заставлял пуговицы работать на себя, и они размножались у него, как кролики. Уже перещеголяв всех знакомых, он все-таки старался разными правдами и неправдами выманить у них пуговицы. Он знал, что есть еще люди, у которых их больше, чем у него, и это заставляло чувствовать

себя бедняком и неудачником. Он хотел быть первым обладателем пуговиц во всем нецивилизованном мире.

Итак, он посвятил всю жизнь собиранию пуговиц. Он молился Великому Белому Отцу, чтобы тот ниспослал ему побольше пуговиц. Он подкупал колдунов, надеясь, что те своей ворожбой помогут ему захватить новые кучи пуговиц. В часы бодрствования и в часы сна его мозг был подчинен одной лишь навязчивой мысли. Он не признавал ни искусства, ни философии, отдых был для него несуществующим понятием. За едой (хотя на еду у него почти всегда не хватало времени) он думал и говорил о пуговицах — все прикидывал, как бы загрести их побольше. Он старался — и безуспешно — отнимать пуговицы у друзей, если узнавал, что кто-нибудь начал их собирать. У него не было времени любоваться природой. Он не замечал ни деревьев, ни неба, ни звезд, хотя неустанно путешествовал. Он не мог выкроить ни минутки, чтобы пройтись пешком до угла, так как вечно мчался то на поезде, то в самолете, то в автомобиле куда-нибудь за пуговицами. Если же изредка брал себе отпуск, то часть его так или иначе посвящал своей страсти.

Этот маньяк в юности страдал от робости и чувства неполноценности. Он был подобен толстухе, которая, зная, что ее никто не любит, утешается тем, что набивает себе желудок шоколадом. Другие молодые люди были красивее и умнее его. Он трепетал при мысли, что над ним смеются и не хотят его общества. И он решил добиться успеха. Он будет собирать пуговицы. Он докажет свое превосходство: соберет больше пуговиц, чем любой другой дикарь. Он женился и обзавелся семейством. Сыновья выросли и пошли по его стопам, тоже занялись пуговицами.

Влиятельное лицо в своей общине, он был предметом восхищения и уважения, если не общего, то во всяком случае тех, кто поклонялся пуговицам.

Из развлечений он признавал только одно — сбор пожертвований в роскошном, обитом бархатом церковном клубе. Приглушенное шуршание пуговиц на мягкой подушечке, положенной на тарелку, было музыкой для его слуха, божьим благословением. Он слыл человеком примерных привычек, нравственным образцом для ему подобных, для тех, кто тоже усердно собирал пуговицы. **ПУГОВИЦЫ — ЭТО ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ. СОБИРАЙ ПУГОВИЦЫ!** Он не курил. Не пил. Почти ничего не ел. И очень редко спал с женщинами, считая, что это, во-первых, грешно, а во-вторых, слишком дорого стоит.

И вот он собрал уже столько пуговиц, что они не стали поддаваться счету. Но это лишь побуждало его загребать обеими руками еще и еще. Ему доставляло неизъяснимое наслаждение взирать свысока на тех, у кого было меньше пуговиц, чем у него. Собственно говоря, теперь он уже мог взирать свысока на всех.

Так жил он долгое время, зарывшись с головой в свои пуговицы. Но

вдруг случилось нечто непостижимое: пуговицы начали ускользать. Вначале появилась маленькая течь. Он не мог обнаружить, откуда, не знал, в чем причина. Потом стало исчезать побольше, и вот уже смыло целый слой. В панике он пытался заткнуть брешь, остановить стремительный поток, но пуговицы растекались целыми реками во все стороны.

Никакие усилия не спасли его богатство. Он снова очутился на голом месте, откуда начинал свой путь, без единой пуговицы.

Это было чудовищно. Он кричал. Он таращил глаза. Он вопил, кружился в иступлении. Молился. Проклинал. Бормотал бессвязные слова. Считал пуговицы, которых у него уже не было. Бредил. Отказывался от пищи. Не узнавал своих родных. Пришлось увести его из дому и надеть на него смирительную рубаху.

— Бедняга, — говорили соседи, радостно ухмыляясь, — он потерял свои пуговицы!

Политика — один из множества фальшивых кумиров, которым поклоняются дикари-американцы. У них в политике, как и в других формах культа, простой смертный становится божком.

Самое странное в этом культе то, что их Великий Белый Отец земной, избранный с помощью и одобрением всех язычников, — просто подделка. Он может играть роль бога только четыре года. Потом выбирают другого. Любой стоящий бог продержался бы у власти дольше. Но дикари обновляют своих божков постоянно, меняют их, как лошадей посреди реки, — в самое неподходящее время — и соблюдают ритуал предвыборных съездов каждые четыре года.

Двуглавая американская богиня Политика проводит съезды в двух городах, расположенных далеко друг от друга. Один съезд выдвигает Главного Осла, другой — Главного Слона. Этим двум подставным лицам еще предстоит помериться силами, чтобы решить, кому же стать Самым Главным Вождем, Первым Американцем.

Политический съезд — спектакль, который дается с целью позабавить и околпачить дикарей, получить их одобрение и голоса. Эти съезды повергли меня в изумление. О них кричали все газеты. Их показывали по телевидению и в кино. Здешняя публика любит такие зрелища. Странники той или иной партии, как стадо баранов, валили в огромный зал, горланили песни, курили, пили и орали как сумасшедшие. Размахивали плакатами. Маршировали. Доводили себя до иступления, припадая к стопам своих кумиров в знак обожания. Чтобы проташить баранов рангом повыше к вершинам величия и власти над простыми стадными баранами, вожаки рангом пониже действовали очень хитро: напускали побольше туману, шли на всевозможные уловки. Каждый ждал услуги за услугу. Это был неписанный закон. Кандидаты слушали не краснея, как продажные ораторы, зазывалы и охмурялы изображали их чуть не ангелами во плоти, которые могут спасти Америку от любой напасти.

Этот спектакль делается продюсерами телевидения за деньги. Дикари очень любят этот религиозный ритуал. Они просто обожают его. Много ставится на карту. Если в борьбе побеждает Главный Осел, каждый осел в стране, припадавший к его копыту, надеется извлечь из этого выгоду. Если же битву выигрывает Главный Слон, каждое толстокожее в стране рассчитывает набить брюхо и откормить рыло у общественной кормушки.

А безмозглые стадные бараны, те, что платят за все, и понятия не имеют о происходящем. Восторженным блеянием они восхваляют своих пастырей, которые стригут их шерсть.

— Для блага народа,— говорят кандидаты,— для страны!

Но это все то же старое — услуга за услугу — вранье, вздор, надувательство, тщательно замаскированное общей истерией.

Речи кандидатов просто ошарашивали меня. Послушать их, так выходило, что кандидат, будь то Слон или Осел, может дать избирателям больше, чем кто-либо другой. Кредита — больше. Автомобилей — больше. Трущоб — больше. Бомб — больше. Дорог — больше. Обеспеченности — больше. Доходов — больше. Расходов — больше. Свободы — больше. Долгов — больше. Образования — больше. Невежества — больше.

Кандидаты обещали, что малый бизнес станет большим, а большой — еще больше. Рабочие станут получать больше денег, а работать — меньше. Чернокожие станут больше похожи на белых. Фермеры выручат больше долларов за меньшее количество пшеницы.

Я не верил своим ушам, а белые дикари лучились от счастья. Кандидатов восхваляли, им аплодировали, им поклонялись. Дикари пребывали в каком-то счастливом помешательстве.

У Главного Слона был доверенный вице-слон, который ему поддакивал, вторил и помогал расширять власть над незадачливыми баранами. У Главного Осла был вице-осел для тех же целей. Но Главный Слон и Главный Осел не очень-то доверяли вице-слону и вице-ослу, ибо (и это знали все) последние метили на их место и всеми правдами и неправдами были готовы добиваться этого места, в то время как Главного Слона никак не прельщало место вице-слона, а Главного Осла — место вице-осла.

Конкуренция политических полубогов создавала нездоровую обстановку, вызывала нехорошие чувства, ибо Главный Вождь достиг вершины и выше идти уже некуда, а у его помощника была возможность подняться еще на одну ступеньку и стать Главным Вождем. Главный Вождь знал: случись с ним беда, помощник займет его место, но никогда его не украсит. Поэтому Главного Вождя всегда окружали солдаты, врачи, шпики и охранники, чтобы защитить его от сумасшедших, бактерий, террористов и — собственного помощника. Тот же, со своей стороны, должен был при народе всячески подчеркивать свое лояльное отношение к Главному Вождю и в то же время не

упускать даже самой малой возможности обзавестись собственным окружением, выжидая, когда Главного Вождя прихлопнет какой-нибудь негодяй.

Политические кампании, проведение которых многие наивно считают борьбой за справедливость, начались и приобрели размах осенью. Главные Кандидаты и их помощники готовы были со сна произнести любую речь. Их рты открывались с большой эластичностью, языки с шумом перемалывали слова. Они с благоговением выполняли священный ритуал: колесили по стране, целовали младенцев, завоевывали популярность и разводили демагогию. Они обещали содрать с народа уйму денег в виде налогов и вернуть ему часть их в виде благ, даруемых государством. Народ ликовал. Кандидаты обещали даже сократить налоги и увеличить блага, даруемые государством. Народ ликовал пуще прежнего.

Даже если кандидат отдавал себе отчет в том, что говорит, он не всегда знал, где находится. Выступая в Нью-Джерси, кандидат говорил аплодирующим баранам, что он счастлив снова оказаться в Аризоне.

Кандидаты, словно хамелеоны, постоянно меняли цвет, приспосабливаясь к окружению. Приехав в Арканзас, кандидат, который никогда не держал в руках мотыги и не выносил пойла свиньям, прикидывался эдаким работающим фермером. В Чикаго он был сталеваром с крепкими мозолистыми руками. В Пенсильвании выдавал себя за бывшего углекопа. На Мэдисон-авеню он представлял скромным гением рекламы в костюме от «Брукс бразерс». Агитируя за себя в Голливуде, он подделывался под самых отъявленных реакционеров. В Гарлеме он становился филантропом, любящим негров, а в Новом Орлеане — гурманом, обожающим французскую кухню. В Висконсине он с одобрением отзывался о качестве сыра и профсоюзам, а в Каролине горячо поддерживал идею автономии этого штата. В Вермонте он, ухмыляясь, называл себя «чертовым янки», а в Техасе, надев ковбойские сапоги, выкрикивал лозунги южан. Он был за мир, прогресс, благосостояние и — за себя. Он старался угодить всем, а в результате каждый здравомыслящий дикарь начинал его презирать.

Все делалось ради голосов. Каким захватывающим зрелищем было выступление Главного кандидата! Его портрет, увеличенный во сто крат, выставлялся для восторженных идолопоклонников. Они размахивали флагами и платками, топали и выкрикивали приветствия. Там, где нужно, аплодировали. И кандидат делал паузы в нужных местах, чтобы сорвать аплодисменты. Вы бы посмотрели, какое довольство выражало при этом его честное лицо! Как ему нравились согласие и аплодисменты тупоголовых баранов! В своей речи он всегда давал им понять, что он самый большой баран! Доказательством могли служить его высокие моральные качества,

достойное похвалы поведение и благочестие, отмеченные его близким родственником — Великим Белым Отцом небесным.

По сути дела, языческая богиня Политика всего лишь о двух головах, и кандидат мог стать идиолом лишь на пятьдесят процентов, но о его близости к Великому Белому Отцу небесному так много говорили, что дикари в это твердо уверовали.

Все — лишь бы получить голоса. Дикари увлекались этим примитивным ритуалом почти как первенством по бейсболу, поэтому они радовались, что политические игры проводятся каждые четыре года.

Чем холодней становилось, тем жарче распаялись политические страсти. Одна партия вдруг обнаружила, что другая собирается пообещать рабочим больше денег и меньше работы — тридцать пять часов в неделю. Тогда другая с ходу пообещала тридцатичасовую неделю и еще больше денег. Как это ловко придумано и в политике и в религии: кто обещает больше других, тому и верят.

Кандидаты отбросили всякие церемонии. Атаки и контратаки следовали одна за другой. Поминались и ложь, и некомпетентность, и пренебрежение к долгу, и разложение, и злоупотребление властью. Обвинений было слишком много, чтобы их перечислить.

Американские дикари любили эту глупую игру, эту пышную кампанию. Как и в религиозных обрядах, им нравилась театральность, форма. Они часами сидели как приклеенные, смотрели в телевизор, и слушали, и ликовали, и шикали на ослиных и слоновых кандидатов. Эти тупицы хлопали громче тому, кто давал им больше обещаний. Они никак не могли сообразить, что правительство может дать им только то, что сначала содрало с них же, и то лишь малую толику. Американцы воображают, что у них демократия (то есть власть народа). На самом же деле у них плутократия плюс толпократия. А вернее всего — овцекратия.

Большой-Большой Вождь американцев живет в Вашингтоне в царском дворце, который называется Белая Хижина. Эта хижина богаче и роскошнее, чем дворец любого властелина или короля. Ее стоимость — свыше двенадцати миллионов долларов. Неудивительно, что эти дикари, называющие себя демократами, почитают свою священную Белую Хижину. В ней более ста комнат. Ее охраняет целая армия, состоящая из ста пятидесяти полицейских и уймы вооруженных шпиков. Этот яркий символ демократии обслуживают несколько сотен лакеев, сто поваров и горничных. Кто же платит всему этому народу жалованье? Тупоголовые бараны-налогоплательщики, вот кто! Кроме этих слуг, они оплачивают еще четырех швейцаров, чья работа состоит в том, чтобы открывать двери перед важными правительственными «слонами» и «ослами», и трех дворецких, которые снуют взад и вперед и отвешивают поклоны.

Для царственного вождя демократии — Великого Белого Отца,

обитающего в Белой Хижине, построено превосходное подземное логово — страшно дорогое бомбоубежище. А для его подданных, баранов-налогоплательщиков, — ничего, ибо он обещает им мир. Если начнется война, баранам придется самим о себе позаботиться. Но они довольствуются обещаниями: им не привыкать! Зато, если их укокошат, они попадут в рай, и кое-кто даже с медалями и воинскими почестями...

Их Большой-Большой Вождь, изображающий на своем лице улыбку, — по сути дела король. В его честь производится королевский салют — двадцать один пушечный выстрел. Он пользуется монаршими привилегиями и монаршей неприкосновенностью. Суд не имеет над ним власти. Бараны, которых он пасет, охотно оплачивают его разъезды и удовольствия. В его личном распоряжении самолеты, поезда, пароходы и автомашины. Все-все — бесплатно. Он получает громадное жалованье. Он может передоверить подхалимам любые свои обязанности. Когда ему все надоедает, что бывает с ним нередко, он покидает свой королевский кабинет и удаляется на отдых. Привольно живется королю американских дикарей!

Дикари много говорят о мире и делают вид, что мир им нравится больше, чем война. Тем не менее они вели много кровопролитных войн и неустанно готовятся к новым. Их речи, их профессии изобличают их деятельность...

Однако при всех своих военных талантах эти дикари оскандалились перед всем миром: они проиграли войну одному маленькому племени за океаном. Не смея признаться в этом, они объявили о перемирии.

ТЕХНИКА ДЕМОКРАТИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА: банкир, владелец газеты, конгрессмен и фотограф. Все на сцене, когда занавес поднимается.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: фотостудия.

ВЛАДЕЛЕЦ ГАЗЕТЫ (развязывая огромный узел): А теперь, мистер конгрессмен, если ты ничего против не имеешь, раздевайся!

КОНГРЕССМЕН: Боже правый, надеюсь, вы не собираетесь фотографировать меня голым!

БАНКИР: Не в этом дело, старик! Если ты собираешься стать президентом, тебе придется завоевывать сердца людей. А кто по душе американцам? Дитя природы, крепко сколоченный детина, славный малый. Ну, пусть будет философ, лишь бы не очень мудреный.

ВЛАДЕЛЕЦ ГАЗЕТЫ: Снимай костюм, он не принесет тебе голосов избирателей. Ты в нем совсем как их хозяин. У меня тут более подходящий наряд.

КОНГРЕССМЕН (снимая пиджак): Однако как все это сложно! Но я полагаю, джентльмены, вы знаете свое дело (продолжает раздеваться, остается в нижнем белье).

БАНКИР: Мы ведь проводили на выборах и других кандидатов, не так ли?

ВЛАДЕЛЕЦ ГАЗЕТЫ: Все они нам обязаны.

БАНКИР: Снимайте ботинки.

КОНГРЕССМЕН: Боже, и ботинки тоже. Ну, ладно.

ВЛАДЕЛЕЦ ГАЗЕТЫ (развязывает узел, в нем груды одежды): Вот, пожалуйста! Герой лесов и долин! Зейн Грей, Гарольд Белл Райт, Буффало Билл! Мы из тебя сделаем парня что надо!

КОНГРЕССМЕН: Сто чертей! Вы это всерьез?

БАНКИР (откусывая кончик сигары): Ты хочешь стать президентом или нет?

КОНГРЕССМЕН: Ну, разумеется!

БАНКИР: Тогда надевай все и не задавай такой чертовой кучи вопросов!

ВЛАДЕЛЕЦ ГАЗЕТЫ: Вот кожаная куртка, рубашка и брюки цвета хаки, фетровая шляпа с масляными пятнами.

КОНГРЕССМЕН: Ну, ладно, вам и карты в руки. (Начинает одеваться.) А вот жена что скажет, увидев это?

ВЛАДЕЛЕЦ ГАЗЕТЫ: Она хочет стать хозяйкой Белого дома?

БАНКИР: О, да! Я думаю, вы правы.

ВЛАДЕЛЕЦ ГАЗЕТЫ: Ты любишь собак?

КОНГРЕССМЕН: Конечно, нет! Терпеть не могу!

БАНКИР: Так вот, с этого момента ты любишь собак. Если спросят, запомни — ты любишь собак.

КОНГРЕССМЕН: Но, дорогой мой, от них же запах!

ВЛАДЕЛЕЦ ГАЗЕТЫ: Есть запах, нет запаха — не имеет значения! Ты любишь собак!

КОНГРЕССМЕН: Боже мой!

БАНКИР: Никто за тебя голосовать не станет, если ты не любишь собак.

ВЛАДЕЛЕЦ ГАЗЕТЫ: Этого мало. Ты и лошадей обожаешь, не забывай об этом.

КОНГРЕССМЕН (зашнуровывая высокие ботинки): Нет, только представьте — заниматься этим каждое утро!

БАНКИР: Зато теперь видно — рубаха-парень, свой в доску! Ну-ка, отступи немного, мы отсюда на тебя посмотрим.

КОНГРЕССМЕН: У меня, наверное, странный вид.

БАНКИР: Положись на меня, выглядишь ты просто здорово! (Подходит ближе, снимает с него шляпу, мнет ее, снова нахлобучивает на конгрессмена.) Так лучше.

ВЛАДЕЛЕЦ ГАЗЕТЫ: У тебя трубка есть?

КОНГРЕССМЕН: Конечно, вот она. (Вынимает из кармана пиджака длинную тонкую трубочку).

ВЛАДЕЛЕЦ ГАЗЕТЫ: И ты полагаешь, что дымок от этой штучки дотянется до Белого дома?

БАНКИР: Это не трубка. Это детская игрушка. (Вынимает огромную резную студенческую трубку.)

КОНГРЕССМЕН (подкидывая ее): Целое полено!

ВЛАДЕЛЕЦ ГАЗЕТЫ (покачав головой): Мне кажется, мистер банкир, мы с вами свалили дурака. У парня идиотский вид!

БАНКИР: Теперь уже поздно. Мы его сами выбрали, и придется с этим примириться. К тому же я не совсем с вами согласен. Он парень свойский и сговорчивый.

ВЛАДЕЛЕЦ ГАЗЕТЫ: И все-таки я был прав — надо было выбрать железного парня, с подбородком, как буфер, — диктатора!

БАНКИР: Пока не надо, Уильям, рановато!

ВЛАДЕЛЕЦ ГАЗЕТЫ: Так что же, начнем? (Фотографу): Ты готов?

ФОТОГРАФ: Встаньте чуть левее, мистер конгрессмен.

ВЛАДЕЛЕЦ ГАЗЕТЫ (взрываясь от злости): Черт тебя дери! Мне не нужно левых!

ФОТОГРАФ: Прошу прощения, я имел в виду...

ВЛАДЕЛЕЦ ГАЗЕТЫ: Плевать на то, что ты имел в виду! Встань-ка правее, мистер конгрессмен. Мы сами будем давать указания.

БАНКИР (фотографу): Сдвинь свой аппарат вправо. Наш кандидат не может стать левее.

ВЛАДЕЛЕЦ ГАЗЕТЫ: Так-то лучше. И приступай к делу. (Конгрессмену): Сделайте жизнерадостное лицо.

БАНКИР: Поднимите руку. Вот так. Возьмите трубку. Примите принужденную позу.

ВЛАДЕЛЕЦ ГАЗЕТЫ: Мне сейчас пришло в голову, что было бы лучше, держи он в руках охотничье ружье и несколько убитых уток на шнурке.

БАНКИР: Подумай, парень, о чем ты говоришь! Хочешь натравить на нас Общество защиты животных?

ВЛАДЕЛЕЦ ГАЗЕТЫ: Пожалуй, ты прав. Но, черт возьми, у него ж дурацкий вид!

БАНКИР: Улыбайся, конгрессмен, улыбайся!

ФОТОГРАФ: Посмотрите, сейчас вылетит птичка.

ВЛАДЕЛЕЦ ГАЗЕТЫ: На кой черт нам сдалась демократия! (Вспышка.)

БАНКИР (фотографу): Молодой человек, ты сфотографировал будущего президента.

ФОТОГРАФ: Господи, спаси меня, грешного!

КОНГРЕССМЕН (не меняя принятой позы): Джентльмены, я к вашим услугам.

ДУРАЦКИЙ СПОСОБ

Держать салун, доложу вам,— самый дурацкий способ зарабатывать на жизнь.

Я не то что жалуюсь или имею что-либо против. Я неплохо зарабатываю на этом, и у меня есть свои радости, а так как рабочий день долг, то мне выпадает также и своя доля горестей. Иной раз попадается пьяный, который становится чересчур воинственным и его приходится утихомиривать. Другой раз приходится разнимать мужа с женой, подравшихся между собой из-за его любовницы; или мужчину и его любовницу, вцепившихся друг в друга из-за его жены; а не то жену, учинившую драку с любовницей своего мужа.

Но в этом нет ничего необычного. Вы просто считаете это частью вашей работы и вскоре привыкаете. Бывают, правда, и в самом деле странные вещи, которые любого сведут с ума.

Дайте-ка я вам расскажу.

Закусочная, которую я держу,— это всего лишь небольшая забегаловка, обслуживающая главным образом соседних лавочников и коммивояжеров. Однако она расположена не так уж далеко от проезжей дороги, чтобы сюда не заглядывал никто из посторонних.

Так вот, этот человек зашел в пятницу, часов так около десяти утра, когда мое заведение было еще не вполне готово к приему клиентов. На нем были темно-синий костюм, белая сорочка и скромный галстук, и я решил, что это какой-то коммивояжер, зашедший убить четверть часа перед тем, как позвонить заказчику.

— Минутку обождите,— сказал я ему. (Я как раз загружал холодильники пивом.)

— Не торопитесь ради меня. Я не спешу.

Пока я заканчивал с холодильниками и набивал льдом сатуратор, он снял с прилавка табуретки, куда я их поставил, когда мыл пол в зале, и расставил пепельницы. Затем он выбрал себе место в конце зала, уселся там и в ожидании закурил сигарету.

— Как освободитесь, мне кружку пива,— сказал он.— Любое, какое есть под рукой,— все сойдет.

Я вытащил бутылку пива и поставил его на поднос перед ним, отстранив назад деньги, которые он положил на прилавок.

Мешок с деньгами был спрятан мною под стоящий под прилавком пустой ящик из-под пива. Я отсчитал деньги, которые мне потребуются в течение дня для сдачи,— шестьдесят пять долларов пятаками, гривенниками, четвертаками, полтинниками и долларами — и рассовал их по ячейкам в кассовый аппарат. Поскольку была пятница и я превратил в наличные платежные чеки некоторых из своих посто-

янных клиентов, то у меня под рукой находилось лишних шестьсот двадцать пять долларов. Их я положил под кассовый аппарат. Затем я достал бутылку пива себе и обошел стойку бара, чтобы сесть рядом с незнакомцем.

— Вряд ли кто еще придет пока, — сказал я ему. — Вы коммивояжер или кто другой?

— Нет, я просто шел мимо и, увидев дверь открытой, зашел пропустить пару пива.

Говорить нам, собственно, больше не о чем было, так что мы просто сидели и тянули пиво. Через несколько минут я поднялся, вновь наполнил свою и его кружку и опять сел. Вот тут-то как раз и началась вся эта дурацкая штука.

В бар вошел какой-то паренек и подошел к прилавку. Я слез со стула, чтобы зайти за прилавок и обслужить его по первому разряду. Когда работаете в питейных заведениях так долго, как я, то у вас само собой вырабатывается какое-то особое чутье и вы сразу чувствуете, что запахло паленым. Именно это я почувствовал в данный момент.

Не то чтобы было что-то подозрительное в облике паренька. Нет, лицо у него было самое симпатичное, и одет он был прилично, в красивые брюки из прочной хлопчатобумажной ткани, спортивную рубашку и светло-коричневый жакет. Однако взгляд, который он бросил на меня, а затем на первого посетителя у стойки, заставил меня поежиться. Я заметил, что руки у него потные и он потирал их друг о друга, словно старался их вытереть.

Он заказал бутылку пива, и я отвернулся, чтобы достать ее из холодильника. Когда я обернулся назад, в его руке оказался пистолет, нацеленный прямо мне в грудь, одна из тех маленьких штучек, которые кажутся игрушечными до тех пор, пока не направлены на вас.

— Спокойно, папаша, не нервничай и не заставляй меня нервничать. Просто протяни руку назад и достань из кассы деньги.

Единственное, что заставляло меня нервничать, так это тот факт, что паренек сам был весь на взводе. Рука его, что держала пистолет, заметно дрожала. Я нажал на регистре кнопку «Нет продажи» и вытащил однодолларовые бумажки, что положил в кассу для сдачи.

— Не делай этого, сынок, — вдруг спокойно проговорил мужчина, что сидел на другом конце бара и тянул свое пиво.

Паренек резко обернулся к нему (пистолет все еще оставался нацеленным на меня).

— Не суйтесь, дорогой, куда вас не просят, и не двигайтесь с места. — Паренек старался прорычать эти слова, но в голосе его слышалась дрожь, которая была под стать дрожи в его руках. — Мне не хочется кого-либо отправлять на тот свет, но я, не задумываясь, всажу пару пуль, если захочу.

— Не тревожь его, дружище, — сказал я незнакомцу. — Видишь, как он дрожит. Я думаю, он слегка ошалел, насосавшись марихуаны.

— Да нет, он не ошалел. Он просто трусит.

Незнакомец произнес эти слова все тем же ровным, спокойным голосом.

— Видимо, он первый раз пошел на такое дело и потому страшно боится. Не так ли, малыш?

— Можете болтать себе, что хотите. Мне нужны деньги, я их получу; ну, пошевеливайся там!..

— Не знаю, зачем тебе нужны деньги, сынок, но какова бы ни была причина, она не заслуживает того, чтобы их добывали таким вот путем. Поверь мне, сынок, я знаю, что говорю.— Незнакомец помолчал немного, а затем добавил: — Даже если ты сейчас уйдешь с награбленным, а в лучшем случае ты получишь из кассы десяток-другой — не больше долларов, ты уже человек меченый на всю жизнь. Мы дадим описание твоей внешности полиции, оно попадет в картотеку, и рано или поздно кто-то тебя опознает, и ты будешь схвачен. Это уж, как пить дать.

Незнакомец снова сделал паузу, словно вздохнул.

— Может это случиться в другой раз, когда ты попробуешь еще разок кого-то ограбить. Или, может, полицейский, вручая тебе квитанцию об уплате штрафа за нарушение правил стоянки автомобилей, опознает тебя по нашему описанию. А не то тебя могут схватить прямо на улице, когда ты будешь идти, ничего не подозревая. Да знаешь ли ты, каково это — всю жизнь ходить, оглядываясь, а не идет ли кто за тобой?

Незнакомец продолжал говорить все тем же ровным, мягким, убедительным голосом, а паренек стоял и слушал, словно загипнотизированный. Медленно-медленно рука, державшая пистолет, опустилась, а пистолет стыдливо укрылся в кармане.

— Поскольку ты сейчас ничем не запятнал себя — ведь ты ничего, по сути, не сделал, — то можешь спокойно уйти отсюда, не опасаясь в дальнейшем каких-то преследований.— Незнакомец взглянул пристально на парня.— Судя по твоему виду, я могу сказать, что ты человек порядочный, не шантрапа какая-то, что ты никогда до этого ни в чем плохом замешан не был. Ты совсем не знаком с таким образом жизни, и ни к чему тебе заниматься подобными делами. Например, держу пари, что пистолет у тебя даже не заряжен.

Паренек медленно подвигался к выходу. При упоминании, что в его пистолете нет даже патронов, он побледнел и вылетел из бара.

Некоторое время я стоял словно в столбняке, а потом перевел дыхание и сказал:

— Кажется, вы говорили, что вы не коммивояжер. И впрямь, ни один торгош не способен так ловко надавить на чужую психику. Вы убедили этого паренька отказаться от его преступного

намерения. Вы кто: сотрудник полиции или, может, воспитатель малолетних правонарушителей?

— Ни то и ни другое, — ответил он. — Я гангстер.

Он сунул руку под пиджак, вытащил чудовищного вида пистолет 45-го калибра и бережно положил его на прилавок дулом в мою сторону.

— Выкладывайте денежки, — сказал он, — и не забудьте ту пачку, что спрятали под кассу.

Так вот, как я уже говорил: держать салун — самый дурацкий способ зарабатывать деньги на жизнь.

ПАМЯТКА ЖЕЛАЮЩЕМУ ВЫЖИТЬ

Заметка под таким заголовком появилась в американском журнале «Атлас». Автор приводит десять заповедей, которые должен соблюдать любой человек, если не желает быть обманутым, ограбленным и убитым. Вот они:

1) Не выходите на улицу, но

2) не оставайтесь и дома.

3) Если вы вышли на улицу, то ни в коем случае не в компании и не в одиночку.

4) Если вы все же отправились на улицу в компании или в одиночку, то ни в коем случае не на автомашине и не пешком.

5) Если вы все же пошли пешком, то шагайте по улице не медленно и не быстро и ни в коем случае не останавливайтесь.

6) Если вы отправились на автомашине, то поезжайте по улице не посередине, но и не по краю мостовой, не останавливайтесь посередине дороги, на перекрестках, возле бензоколонки или светофора. Лучше всего бросьте автомашину дома и возьмите такси.

7) Взяв такси, вы подвергаете себя такому же риску и опасностям, как и на своей машине, так что лучше всего заплатите таксисту за проезд, а сами оставайтесь дома.

8) Если вы остались дома, то не сидите один или в компании.

9) Если вы находитесь дома один или в компании, то ни в коем случае не запирайте дверь, равно как не оставляйте ее открытой, без запора.

10) Поскольку при таких условиях оставаться в городе или стране невозможно, то вам лучше всего подняться в воздух — но только не на борту самолета. Это еще опаснее!

И ТАК ДО САМОГО СНА

Утренняя телевизионная передача началась с показа трех банковских грабителей, такой смешной ералаш, где шутки ради убивают двух сторожей: одного выстрелом в голову, другого — в грудь. Фильм оказался не очень удачно заснят — в нем отсутствовали сочные краски свежей крови и развалившихся кусочков мозга, как это было в кинофильме «Нешвилл», который мы видели за день до этого. Там бандит застрелил насмерть одну певицу прямо на ступеньках храма Парфенона.

Накануне вечером мы смотрели «Судный день».

Вот это был фильм так фильм! В нем толпа разорвала человека на части голыми руками. Эта кинокартина напомнила мне пьесу «Эквус», которую мы видели несколько дней назад, где герой, тринадцатилетний мальчик, ослепляет шесть лошадей, выколов им глаза обыкновенным гвоздем. Выйдя из театра, мы с женой взяли такси, а не пошли домой пешком потому, что в тот день газеты с большим смаком сообщили, как утром почти возле самого нашего дома два бандита пристрелили человека, сунули его в багажник украденной автомашины, а потом бросили труп вместе с машиной возле госпиталя. И хотя преступники оставили торчащую из багажника голую ногу жертвы, прошло два часа, прежде чем полиция обнаружила это.

Так как на экране телевизора вот уже несколько минут как прекратилась пальба, я пробежал глазами газету и прочел о некоем пареньке, который убил накануне своего отца, а затем, освобожденный под залог, вернулся домой и зарезал собственную мать.

Рекламная передача «Три дня Кондора» прервала фильм об ограблении банка, и актер Роберт Редфорд закричал с экрана: «Я знаю, меня хотят убить!» Взрыв артиллерийского снаряда оборвал рекламный ролик. Не выдержав, я начал переключать программы, надеясь найти что-нибудь поспокойней, но поймал только обрывки передач о похоронах полицейского, которого убил какой-то торговец наркотиками; о самом последнем покушении на президента и старый, сороковых годов, фильм, где американцы разносят в щепы бомбами какой-то город в Германии.

Я прилег на кровать и открыл свежий роман, где нашел самое подробнейшее описание изнасилования, ничем не отличающееся от сотен других изнасилований, о которых я читал в других не менее свежих романах за последние два года.

Отставив книгу, я решил пройтись до угла и купить ранние

выпуски вечерних газет, чтобы посмотреть, не был ли кто похищен за это время. В газетах были хорошие новости: американские миллиардеры заработали еще кучу денег на продаже оружия. Были и плохие новости: сообщалось, что в «День Колумба» было задавлено транспортом несколько сотен человек.

По дороге домой я успел прочесть о допросе Говарда Ханта, а войдя в квартиру, услышал телефонный звонок. Звонил один мой старый приятель, с которым мы когда-то вместе служили в ВВС, — теперь он служит в стратегической авиации. Извинившись за поздний звонок, он рассказал, что только что вернулся из патрульного полета с атомными бомбами на борту. Надо сказать, именно этому приятелю ЦРУ когда-то пыталось поручить вести переговоры с мафией насчет убийства Фиделя Кастро. Я не стал с ним долго растабарывать, потому что сильный взрыв на улице потряс наш дом до основания. Это какой-то тип подложил в знак протеста динамит под государственное учреждение напротив. Снова включив телевизор, я опять услышал крик Роберта Редфорда о том, что все, кого он знает, хотят его убить.

Потом священник произнес молитву о ниспослании мира и спокойствия на землю, и я погасил свет в спальней, предварительно проверив, нет ли где в комнате ядовитой змеи, затем улегся в кровать, сунув под голову заряженный пистолет, и долго еще лежал с открытыми глазами, с тревогой следя за пробегающими по оконным занавескам теням, а потом провалился в сон.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНЗ

СОЕДИНИТЕЛЬНЫЙ ИЛИ РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЙ

(Рассказ о том, как выбирают в Алабаме)

Безопасности ради, хотя он теперь служит лейтенантом в армии США и вряд ли когда вернется на Юг, назовем его Хаустоном. Роста он был невысокого, какой-то болезненный, с лицом нежно-шоколадного цвета. Я встретился с ним впервые в Бирмингеме, штат Алабама, в Федеральной комиссии по урегулированию споров по найму на работу, где он после краткого знакомства со мной рассказал, сколь он удручен теми тяжелыми условиями жизни, что существуют для негров в южных штатах. Родом он был, судя по его несколько протяжному выговору, южанин и окончил, как выяснилось, институт Таскеджи — высшее учебное заведение для черных. Его гневная речь явно раздражала посетителей столовой, где мы с ним обедали. Мрачные горожане, и без того взвинченные наплывом «чужаков» и радикально настроенных негров, наводнивших в последнее время этот переполненный рабочей силой город, оторвали свои взгляды от тарелок и злобно уставились на моего собеседника.

Вторично я встретился с ним в маленьком городе штата Алабама, где он работал преподавателем в школе. Он по-прежнему охотно вступил в разговор со мной и начал рассказывать обо всем каким-то резким, дрожащим от напряжения голосом, хотя раньше я этой дрожи не замечал в нем. Факты, а отсюда и чувство глубокой горечи переполняли его. Ему, как и многим другим неграм с высшим образованием, страстно хотелось получить право голоса. Он досконально изучил всю технику лишения негров избирательных прав в Алабаме и систему политического надувательства в этом штате Америки. Он саркастически высмеивал тех негров, которые просили его растолковать им такие «конституционные» вопросы, как, например: что означает выражение «*non compos mentis*» (не в здравом уме)? И как его можно использовать в юридической защите? Однако он прекрасно понимал, сколь глубоко укоренился в них тот символ, что красовался в верхней части всех избирательных бюллетеней, используемых на выборах в Алабаме: петух с раскинувшимися над ним дугой словами «Белое верховенство», а под ним «За справедливость». Он заметил, что если господство белых символизируется белым петухом, то социальная значимость негров может символизироваться цыпленком, причем цыпленком полудохлым, вялым и апатичным, всегда дрожащим от страха. Он рассказал мне со смаком о той трагикомедии, временами

переходящей в фарс, которая разыгралась, когда он пытался зарегистрироваться в качестве избирателя в окружной избирательной комиссии.

Зная все тонкости дела, он первым делом купил в рассрочку в магазине у белого владельца радиоприемник и открыл у него счет расходов. То был первый счет, открытый им в этом городке, и он давал право владельцу магазина поручиться за парня, когда начнется регистрация избирателей. Две недели спустя он обратился в окружную избирательную комиссию с заявлением.

Чиновники, ведающие регистрацией, спросили его:

— У вас есть облагаемое налогом недвижимое имущество стоимостью в триста долларов?

Хаустон, естественно, ответил, что такого у него нет, и добавил, что, по его мнению, имущественный ценз является альтернативой образовательному цензу. Ему заявили, что он ошибается, — он должен иметь недвижимость на триста долларов или сорок акров земли. Казалось, вопрос исчерпан и можно уходить. Однако Хаустон был не таковский. Он выждал несколько минут и спросил, может ли он подать прошение в комиссию с просьбой зарегистрировать его. Ему сказали: «Пожалуйста!» — но предупредили, что это ничего не даст и комиссия вряд ли ему поможет — поскольку он не имеет собственности, то все шансы против него. Кроме того, сказали ему, нужны два коренных жителя этого города, которые поручились бы за его добрую репутацию.

Он назвал торговца, у которого купил радиоприемник, и владельца магазина готового платья, у которого купил несколько сорочек.

Когда пришло время, первый торговец заявил, что он рад бы пойти поручиться за него, но ему сейчас не на кого оставить магазин. Вот разве позднее, на следующий день. Хаустон поблагодарил его. На завтра он позвонил ему, но в этот день торговец был сильно занят и никак не мог вырваться, однако пообещал найти время на следующий день. Хаустон опять поблагодарил его за отзывчивость и готовность помочь человеку. На третий день этот лавочник заявил, что он не знает точно, будет ли он свободен в ближайшие дни («ужас, сколько дел!»), но дал слово, что обязательно сходит с ним до того, как регистрация избирателей закончится. Дня два спустя лавочник сказал Хаустону, что он до невозможности устал и идти не сможет. Таким образом, регистрация избирателей закончилась без них, и Хаустон остался с носом. Через неделю парень зашел в магазин и уплатил сполна всю оставшуюся сумму за радиоприемник. Торговец заявил, что он весьма сожалеет о случившемся, у него просто не было никакой возможности пойти и сделать «сие небольшое одолжение», но он еще раз дает слово, что искренне будет рад сделать все, что нужно, когда регистрация избирателей начнется в ближайший месяц. Хаустон сказал, что позвонит ему через месяц.

Месяц спустя, когда вновь началась регистрация избирателей,

Хаустон позвонил владельцу магазина и уговорился с ним встретиться в два часа дня. Когда он приехал, ему сказали, что торговец только что отбыл по делам из города. Да, сэр, срочная поездка!

Тогда Хаустон обратился ко второму лавочнику, у которого он покупал сорочки и нижнее белье. Здесь дело подвигалось с такой же скоростью. Торговец заявил, что он не знает достаточно хорошо Хаустона, чтобы «судить о его репутации», но если ему позвонят из банка или почтовой конторы, то он с удовольствием поручится за него... Однако, когда бы управляющий почтовой конторой ни звонил, торговца не оказывалось на месте. Только управляющему банком, наконец, удалось поймать его, и они договорились о встрече в избирательной комиссии, членом которой был управляющий.

— Я понимаю, вы ходатайствуете за Ричарда Хаустона, который последние три года или около того работает в школе.— сказал управляющий,— но Хаустон не владеет ни собственностью стоимостью в триста долларов, ни сорока акрами земли.

— А-а-а, я-то ничего об этом не знал,— сказал торговец.

Хаустон снова повторил свое толкование статьи, что требуется одно из двух: или имущество или высшее образование.

— Что-о? Да кончи вы хоть Гарвардский университет, если у вас нет на триста долларов недвижимости, то вас нельзя внести в списки избирателей,— возразил торговец.

Хаустон извинился перед лавочником за то, что отнял время, на что тот сказал шутливо:

— Придется вам где-то купить сорок акров земли или же какой-нибудь дом за триста долларов. Что вы теперь собираетесь делать?

— Собираюсь зарегистрироваться в качестве избирателя,— ответил Хаустон.— В конституции США есть положение, согласно которому можно потребовать установления своих избирательных прав.

Хаустон был частично удовлетворен за свое долгое хождение тем удивлением, которое отразилось на лице торговца.

Вместе с двумя своими коллегами, также разбиравшимися в законах и конституции, Хаустон снова направился в окружную избирательную комиссию, чтобы окончательно прояснить вопрос об избирательных правах. Женщина-регистратор заявила, что уже кто-то до них интересовался этим вопросом и что «у нее есть книга с записями». Хаустон и его коллеги сказали ей, что имущественный ценз является альтернативой образовательному, что требуется одно из двух: или то, или другое.

— Ну, нет,— возразила та,— вам нужно обязательно иметь еще недвижимость.

— Когда была принята поправка к конституции, требующая наличия обоих цензов? — спросили ее.

Но этот вопрос остался без ответа.

С выражением торжества регистраторша прочла второй пункт статьи:

«...Владелец или муж женщины, являющейся владелицей... сорока акров земли или другого имущества, личного или недвижимого, облагаемого налогом на сумму триста и более долларов...»

Тогда ее попросили огласить первый ценз.

Женщина неохотно исполнила это требование. Другая регистраторша — белая проворчала:

— Пусть относительно вас избирательная комиссия вынесет свое решение, а мы вносим в списки избирателей только тех, кого мы хотим.

По первому пункту статьи требовалось умение «читать и записать любую статью Конституции Соединенных Штатов Америки на английском языке, постоянно заниматься каким-то законным промыслом или трудом в течение двенадцати месяцев, предшествующих моменту обращения с просьбой о регистрации в качестве избирателя и т. д.». В качестве союзного слова, связывающего первый пункт статьи конституции со вторым, стоял союз «или».

На вопрос Хаустона, что сей союз означает, регистраторша ответила, что он означает «кроме того». Она обосновывала свое толкование указанием генерального прокурора. На просьбу Хаустона и его товарищей показать им это разъяснение генерального прокурора им ответили отказом. Вместо этого всех троих возмутителей спокойствия направили в суд, где судья, будучи спрошенным, что означает в этой статье конституции союз «или», решительно заявил, что этот союз — союз соединительный.

«Вам нужно иметь имущество, а также быть грамотными», — вот что ответил судья.

Регистраторы по крайней мере ссылались на указание генерального прокурора, а судья свое решение вообще ничем не обосновывал. Когда его спросили: «все ли зарегистрированные в списках избиратели имеют собственность на триста долларов?» — судья уклонился от ответа на этот вопрос и выразил свое недовольство, заметив, что просители хотят его поссорить с избирательной комиссией, а так недолго и самому лишиться избирательных прав.

Вопрос: «Какие дальнейшие шаги нам следует предпринять в защиту наших конституционных прав?» — оказался той последней соломинкой, которая сломала спину верблюду.

«Выясняйте сами!» — загремел судья и скрылся в своем кабинете, служащем одновременно и совещательной комнатой для присяжных.

Спустя некоторое время, пока Хаустон был занят подготовкой бумаг для подачи апелляции в вышестоящий окружной суд, чтобы

уточнить и внести ясность в вопрос о цензах, ему сказали, что в его отсутствие ему звонили из избирательной комиссии. Другой звонок от лица, пожелавшего остаться неизвестным, но «связанного с судьей», сообщил Хаустону, что он может зарегистрироваться в качестве избирателя.

Когда он пришел в канцелярию комиссии, там поднялся настоящий переполох. Одна из чиновниц, выглянув из двери, воскликнула:

— Он здесь!

Председатель комиссии был страшно вежлив и предупредителен.

— Мы решили внести вас в списки избирателей,— заявил он.

— Очень вам признателен,— ответил Хаустон.

Удостоверение на право голосования было подписано и датировано на день раньше того, когда судья вынес свое решение относительно раздельного союза «или».

После этого Хаустона попросили найти заранее двух «хороших людей» — жителей этого города, которые могли бы поручиться за него.

Он назвал своих коллег по негритянской школе.

— Мы имеем в виду белых граждан,— заявил регистратор.— Неужели вы не знаете в этом городе двух хороших людей — белых?

— Нет, не знаю,— ответил вежливо Хаустон.— Я не знаю двух хороших белых в этом городе, которые могли бы поручиться за меня, черного.

— 85.

КУСАЧАЯ МЕДИЦИНА

Я зашел в госпиталь. В дверях меня остановила кассирша и предупредила:

— Вы лучше сюда не попадайте!

Это для меня было не ново. В больницу никому попадать не следует. Стоимость медицинского обслуживания так подскочила, что рядовой пациент, направленный к хирургу для удаления миндалин, становится банкротом прежде, чем ему удалят вторую миндалину. Вот почему в Соединенных Штатах так много американцев с одной удаленной glandой.

Я сказал кассирше, что пришел навестить друга.

Пожалуйста, проходите.

Пропуск стоил двадцать долларов, что, как заметил вахтер у входа, на пять долларов дешевле билета на концерт Лизы Миннели.

Лифт, чтобы подняться на седьмой этаж, стоил семь долларов, так что я предпочел пройтись вверх пешком, что обошлось мне всего в пять долларов.

Добравшись до нужного мне этажа, я запыхался и устал. Санитарки тут же сунули меня в респираторно-контрольную барокамеру, где газоанализатор тотчас установил, что я вдохнул, кроме обычного воздуха, еще испарения паркетной мастики, эфира, йода, дезинфектанта из туалета, корзины для фруктов и лейкопластыря.

Испарения мастики стоили мне десять долларов, эфира вместе с йодом — семьдесят пять, корзины — пятнадцать, а лейкопластыря — двадцать. Воздух и аромат из туалета были бесплатными. Кроме того, мне вручили счет еще на сто долларов за пользование респираторной барокамерой, на семьдесят пять — за газоанализатор и тридцать пять за бумагу, на которой были выписаны счета. Разумеется, мне пришлось расплачиваться чеком на банк.

Пока медсестра звонила в банк и выясняла, есть ли деньги на моем счету, два дюжих охранника держали меня за руки в углу коридора, чтобы я не сбежал, так что мне пришлось заплатить еще сорок долларов за охрану, двадцать пять — за пользование коридорным углом, еще десять — за телефонный звонок в банк и пятьдесят — за установление моей платежеспособности.

Наконец, я двинулся по коридору дальше к палате, где лежал мой друг — вполне здоровый антрепренер, который нечаянно подавился рыбной косточкой во время роскошного ленча. За проход по коридору с меня взяли пятьдесят долларов. Пользование коридорными лампочками, которые, спасибо, не горели, мне обошлось в двадцать долларов,

теплом от радиаторов отопления — тридцать. Поскольку вход в палату стоил сто пятьдесят долларов, то я остался в коридоре и лишь заглянул в палату сквозь слегка приотворенную дверь — за это с меня взяли пятнадцать долларов, вполне по-божески.

В палате никого не оказалось. Еще пять долларов.

— Где же больной, тот, который проглотил рыбную кость? — спросил я сестру.

— Плата за такого рода сведения — сто тридцать долларов, — ответила она с извиняющейся улыбкой.

Улыбка сестры стоила мне двадцать пять долларов, а извиняющаяся нотка — сорок.

К этому моменту мой банковский счет похудел настолько, что я стал опасаться, удастся ли мне вообще выбраться отсюда. По правде говоря, я уже собрался рвануть вниз по лестнице, проскочить как-нибудь мимо бухгалтера и кассира, но тут из-за угла показался мой друг, уже одетый на выписку. Он тихо плакал.

Его история, как и все жизнеописание бедняков, была краткой и простой. Он был в буквальном смысле выпотрошен и, видимо, разорен. Рыбная кость оказалась более неуловимой, чем предполагали врачи. Им пришлось, прежде чем ее извлечь, распороть ему пищевод, затем вскрыть желудок. К тому моменту оказалось, однако, что деньги на его счету в банке иссякли, страховые суммы израсходованы полностью и целиком, личный самолет, собственная яхта, легковая автомашина проданы с аукциона, а он навсегда распрощался со своими тремя виллами в Майами, Делавере и Венесуэле.

Мой приятель был всегда излишне нервным, так что неудивительно, что он потерял самообладание и разрыдался прямо в кабинете администратора, когда узнал, что он хотя нищий, зато получил самое лучшее в мире медицинское обслуживание.

Счет за нахождение в приемной администратора равнялся ста долларам, за слезы — ста пятидесяти. Администратор, добрый человек, сказал, что он временно отсрочит взыскание трехсот долларов за потерю самообладания пациентом и взыщет их потом через судебного исполнителя.

Проводив нас до дверей, он вручил моему приятелю от имени сотрудников госпиталя подарок — оловянный кубок и дюжину карандашей, — присовокупив к ним дружеский совет:

— Следующий раз лучше ешьте сосиски, — сказал он, демонстрируя чувство юмора. — Это обойдется вам намного дешевле, чем глотание рыбных косточек.

За оловянный кубок взяли пятьдесят долларов, за карандаши — тридцать, за совет — сто, а за чувство юмора, трансплантированное от пациента, которого затравил насмерть судебный исполнитель, — пятнадцать тысяч.

ВЕРА ААРОНА МЕНЕФИ

Большая черная машина едва дотянула до бензиновой колонки. Сразу было видно, что ее гложет изнутри болезнь, как проклятая язва, которая терзает мое брюхо. Машину вел шофер, а позади сидели трое — девушка с кислым выражением лица, какой-то тип, похожий на хорька, и между ними краснощекий человек с копной седых волос. Все они вышли из машины и стали смотреть, как я копаюсь в моторе.

— Карбюратор барахлит,— сказал я.— Тут уж кто-то поковырялся, да только здорово напортил.

Краснощекий стал мрачен, как грозовая туча, нависшая над нашей старой Черепаховой горой, и бросил сердитый взгляд на шофера.

— Сколько времени займет ремонт? — спросил он.— Чтоб сделать все, как полагается? Мне нужно к вечеру попасть в Цинциннати, а туда еще сорок миль. Чего доброго, опять застрянем в дороге.

— Сколько прождете, столько и займет,— говорю я.— А какая будет работа, можете спросить здесь каждого. Если машина сделана руками человека и если ее толкает вперед горючее, Аарон Менефи починит ее так, что жаловаться вам не придется.

Краснощекий глянул на пустую дорогу.

— У кого тут спрашивать? — проворчал он угрюмо, но тут же добродушно рассмеялся.— Ладно, брат Менефи, я привык хорошо думать о людях, в большинстве они честные и старательные. Я вам верю.

Пришлось провозиться немного дольше обычного, но в конце концов мотор я наладил, и он ласково заурчал на холостом ходу. Краснощекий, видимо, остался доволен моей работой. А когда я назначил ему плату, он и вовсе расцвел.

— Брат Менефи,— говорит,— вы еще больше повысили мое мнение о роде человеческом!

Вот тут-то это и случилось. Теперь-то я уверен: все это предопределил господь. В тот самый миг, когда краснощекий протянул мне деньги, проклятая язва принялась так свирепо грызть мой живот, что я скрючился от боли и не могдохнуть, пока не отлегло.

— В чем дело? — испугался он.— Что с вами?

Мне стало стыдно, что я отколол перед людьми такую штуку.

— Ничего,— отвечаю.— Точнее сказать, здесь уж ничего не поделаешь. Доктор Баклс говорит — язва. Вот и сижу на молоке картошке да молитвах. Да только, видно, никакого проку от этого не жди.

Краснощекий смотрел на меня участливо. Не так, как большинство людей,— просто из вежливости, холодно. Нет, он по-настоящему

сочувствовал. Оглядел меня с головы до ног, раза два ударил кулаком по ладони и обошел меня кругом, будто снимал мерку для костюма. Остальные стояли молча и смотрели на нас.

— Брат Менефи,— сказал он наконец.— Вы знаете, кто я?

— Откуда мне знать?

— Так вот, брат, я — Отис Джонс. Исцелитель Джонс, как меня все называют. Вы когда-нибудь слышали обо мне?

— Вроде не доводилось.

— Значит, вы никогда не смотрели по телевидению мои молитвенные собрания, не слушали их по радио? Как же так, брат, их передают по всей стране. Двести радиостанций и восемьдесят телевизионных компаний круглый год передают мои проповеди каждую среду вечером!

— Может, и передают. А я не люблю смотреть телевизор, да и радио не слушаю. Там, говорят, полно всякой греховной дряни — грязные истории про женщин, пьянство, убийства и прочее. Человеку и так трудно побороть в себе наследие Адама. Лучше держаться подальше от этих искушений.

— В моих программах, брат мой, нет греха и искушений. Показывают только молитвенные собрания, и на этих собраниях я занимаюсь тем, на что подвигнул меня Всемогущий. Чем, спросишь ты? Исцеляю, брат мой, исцеляю людей! Вот в этой руке скрыта сила, которая может поднять больного с постели, взять костыли у калеки и поставить его на ноги, вернуть человеку все блага, которых он может ждать на нашей земле. Есть у тебя вера, брат мой?

— Вера у меня есть,— сказал я.— Уж я и умерщвлял плоть, и молился, и отбивал поклоны, пока не содрал колени, и все-таки веры у меня хоть отбавляй.

— Хорошо. Ибо если у тебя есть вера, тогда скрытая во мне сила может овладеть тобою и исцелить тебя. А если нет, ты только себя обманываешь. Вот возьми мою руку. Чувствуешь, как в тебя вливается сила? Чувствуешь?

Я взял его руку, и — провалиться мне на этом месте — моя язва вмиг присмирела, будто я напустил на нее парочку пилюль доктора Баклса. Вот тогда-то я и понял, что все это предопределено. И то, что исцелитель выбрал это заброшенное шоссе, и что испортилась его машина, и что я подвернулся ему под руку, и что язва принялась терзать меня сильнее обычного.

Исцелитель тоже, наверно, знал, что это предопределено, и поэтому сказал:

— У тебя есть вера, брат мой. Приходи сегодня на мое молитвенное собрание в Цинциннати. Я обращаю на тебя всю свою силу и исцелю тебя отныне и до конца дней твоих. Моя дочь даст тебе карточку с адресом, и я буду ждать тебя очищенным от греховных помыслов и готовым принять благодать. И зови с собой всех, кого встретишь,

брат мой. У нас для всех найдется место — и для верующих и для сомневающихся.

Я поспел на семичасовой автобус, идущий в Цинциннати, уплатил шестьдесят пенсов за проезд в один конец и попал на молитвенное собрание к самому началу. Ничего подобного я в жизни не видел. Молитвенное собрание куда больше цирка и уж, конечно, гораздо приятнее для души. На площади раскинулся огромный белый шатер, к нему со всех сторон стекались люди. В сторонке вытянулись в ряд десять больших грузовиков с прицепами; на них, я думаю, перевозят всякое оборудование, нужное для молитвенных собраний. Были там еще и два грузовика с движками, на одном из них прожектор, устремивший луч прямо в небо, подобно огненному мечу.

Я протолкнулся к шатру, купил у входа за десять центов книжку гимнов и еле-еле нашел себе место: народу в шатер набилось уйма — тысяч десять, не меньше. Потом я заглянул в книжку и нашел карточку, на которой нужно было написать свою фамилию, болезнь, что тебя мучит, и передать карточку служителю, чтобы тебя могли вызвать для исцеления прямо тут же, на молитвенном собрании. Я это сделал, а потом пропел вместе со всеми несколько гимнов из книжки. Запевала красивым мягким голосом дочь исцелителя, стоявшая перед нами на помосте. Хорошие были гимны, ничего не скажешь. Такие могут скрутить сатану в бараний рог и заставить его с жалобным воем стать на колени.

Только мы кончили петь гимны, как под шатром сразу вспыхнул яркий свет. Я даже глаза зажмурил. Устроили это — ясное дело — для телевидения. Прикатили две большущие камеры, одну направили на помост, другую на скамьи, где сидели зрители. Загорелись огни, и на помост вышел Исцелитель. Он шел неторопливо и спокойно, протянув руки для приветствия, — прямо король. И все же чувствовалось, что он простой, хороший человек.

Исцелитель не стал напрасно тратить время и сразу приступил к проповеди. Он принялся убеждать нас так рьяно, что сначала ослабил галстук, потом скинул пиджак, и было видно, как честный трудовой пот капает с его лица и расползается большими пятнами по сорочке. Приятно смотреть на человека, который вот так, весь в поту, трудится перед тобой. Тут уж знаешь — он говорит то, что думает, и, не жалея сил, вколачивает это в твою башку.

Говорил он больше всего о своей вере, давшей ему власть над болезнями. Вера, твердил он, приведет и нас к исцелению. Потом он рассказал нам, что когда-то служил клерком в конторе Ферст Нэшнл Бэнк, получал мизерную плату да еще вдобавок болел. Однажды он корпел над бумагами в тесной задней комнатухе банка и, словно по наитию, опустился на колени и стал молить бога о помощи. Вдруг он почувствовал, как в него влилась сила.

Рассказ Исцелителя многих довел до иступления, они кричали

и стонали, выражая свою радость за него. Когда шум стих, началось исцеление. Маленький человечек, похожий на хорька, которого Исцелитель представил нам как Чарльза Фиша, своего администратора, вышел на помост и стал читать фамилии, написанные на карточках, а мы один за другим подходили к помосту. Когда пришел мой черед идти между рядами под ярким светом телевизионных камер и сидящие вокруг люди вытягивали шеи, чтоб получить меня разглядеть, я почувствовал, что у меня подкашиваются ноги. Кое-как я добрался до помоста, где стоял на коленях Исцелитель с микрофоном в руках.

— Брат, — сказал он в микрофон, и я чуть не подскочил, услышав этот громозвучный голос. — Какой недуг терзает тебя?

Он поднес микрофон к моему лицу, и я ответил:

— Язва.

— Вы слышали? — закричал Исцелитель, обращаясь к толпе. — Молодого, крепкого, красивого парня заживо пожирает во цвете лет болезнь, и наша человеческая медицина не может облегчить его страдания. Денно и ночью гложет его застарелая хворь. Но у него есть вера, и он пришел ко мне в надежде избавиться от мучений. Вы верите, что его можно исцелить?

— Верим! — закричали в толпе. — Исцели его! Исцели его!

Исцелитель вытер с лица пот и вперился в меня взглядом.

— А как ты сам, брат, веришь в свое исцеление?

Мне показалось, будто от него идет, слегка потрескивая, электрический ток. В ту минуту я хотел лишь одного — пусть его сила поскорей овладеет мною и раз и навсегда избавит от болезни.

— Верю, верю...

— Тогда склони голову, брат. Склони голову, и да будет твоя вера не меньшей, чем сила, данная мне. Ибо если твоя вера крепка, ты выйдешь отсюда обновленным человеком.

Не дожидаясь, когда я наклоню голову, он придавил ее вниз своей ручищей и воскликнул:

— Боже, исцели этого человека! Яви свое милосердие, исцели его!

Внезапно он стукнул меня кулаком по шее, и тут уж я почувствовал его силу, пробрало, что называется, до печенок. Но моя язва не шелохнулась, как будто ее и в помине не было.

— Я исцелен! — заорал я, а сам даже боюсь этому поверить. — Исцелен.

Он сунул мне под нос микрофон.

— Повтори это, брат! Повтори громко, пусть все узнают о твоей радости!

Я схватился руками за живот, мну его и все никак не верю — не болит!

— Язва пропала! — кричу. — Это чудо!

Потом уж я и не помню, что со мной случилось. Прыгал, махал рукой

толпе, кричал вместе со всеми. Мне было наплевать даже на телевизионную камеру, все время нацеленную в мою сторону. Никогда я еще не был так счастлив!

Я вернулся в свой поселок, чтоб собраться в дорогу и попрощаться с соседями. Большинство из них отнеслись к моему отъезду равнодушно. Пожмут руку, похлопают по плечу, и делу конец. Но доктор Баклс страшно рассердился на меня. Он был маленький толстяк, очень добрый, всегда, бывало, поможет, если надо. Я питал к нему такую же слабость, как он сам к крепким напиткам и богохульству. Доктор Баклс шагал взад и вперед по своему кабинету, размахивал руками и все говорил, говорил. Понимал, что я глух к его словам, но никак все не мог остановиться. Он такой — как начнет говорить, его не остановишь.

— Что это за жизнь? — говорит. — Автомеханик в бродячем балагане. Работать день и ночь и получать меньше, чем Эб Нолан платит тебе здесь, на бензоколонке. Строить из себя святошу на молитвенных собраниях, жить с этой шайкой обманщиков! Ты скоро поймешь, что это значит, дружок!

— Может быть, — говорю, — но я услышал призыв, и я откликаюсь на него.

— Призыв! — всплеснул руками Баклс. — Однажды ночью ты почувствовал призыв освободиться от греховных мыслей, катаясь голышом по снегу, и мне пришлось спасти тебя от воспаления легких. Потом ты вдруг почувствовал призыв ломать капканы, которые Гленн Лимен ставил на кроликов, и тебя уж дважды сажали за решетку. Каждый раз, когда ты чувствуешь призыв, Аарон, это добром не кончается. Неужели ты сам не в состоянии этого понять? Всегда плохо, когда человек лучше, чем нужно.

— Моя язва исцелена, — сказал я. — Но ведь есть много других людей, кому надо помочь. Вот я и хочу внести свою лепту...

— Я тебя не учу, как чинить машины, — перебил меня Баклс, — а ты не морочь мне голову с исцелением. Вот смотрю я на тебя и думаю: совсем свихнулся парень, вроде своего отца. У тебя еще молоко на губах не обсохло, а уж он принялся пичкать тебя баснями об адском огне. Нес всякую несусветицу, пугал дьяволом и, видно, совсем окончательно заморочил тебе голову. Если человека с детства одурманили адским серным чадом, как тебя, то уж одного этого достаточно, чтоб непременно заболеть язвой.

Мне было тягостно слышать эти слова, но я знал, что спорить с ним бесполезно. К тому же я не отличаюсь красноречием, а доктор Баклс, если еще примет хорошую дозу старого виски, кого хочешь за пояс заткнет по этой части.

— Подчиняюсь призыву, — повторил я, прощаясь с Баклсом. — Если случится здесь проезжать, я обязательно вас навещу.

На этом мы и расстались.

Доктор Баклс говорил, конечно, нечестивые и нелепые вещи, но спустя несколько месяцев я понял, что он был прав в одном: даже в прибежище благочестия может затесаться сколько угодно мошенников. Я работал в бригаде механиков, занятых ремонтом лимузина Исцелителя, спальных фургонов и двенадцати больших грузовиков, перевозивших из одного города в другой оборудование для молитвенных собраний. И от того, что довелось мне увидеть в компании этих людей, у меня волосы встали дыбом. Табак и вино. Карты и сквернословие. И беспутные женщины в придачу.

Ну и натерпелся же я от них, когда они узнали, что я стойкий противник дьявола. А когда они поняли, что я не станусь с ними и не буду писать фальшивые счета за ремонт, прикарманивать деньги, тут уж мне пришлось совсем туго. Много раз меня подмывало рассказать обо всем Исцелителю или Чарльзу Фишу, а то даже мисс Эмили Джонс, дочери Исцелителя, с которой я тем временем близко познакомился. Но я удержался от этого соблазна: зачем подводить своих собратьев под увольнение, если они еще могут встать на правильный путь. Потом я порадовался, что не стал кляузничать, так как все устроилось само собой.

А случилось вот что: в конце концов у меня произошла стычка с самим Эвереттом Каном, нашим главным механиком и главным поваром греховой кухни, постоянно клюкотовавшей возле меня. Этот придира всячески меня изводил. Задавал столько работы, что двоим не одолеть, а потом еще ругался, что я работу запорол. А уж он-то прекрасно понимал, что я его лучший мастер и знаю дело лучше его самого, коль на то пошло. Но я Кана не трогал: ведь это он испортил карбюратор в машине Исцелителя, потому Исцелитель и попал прямо ко мне в тот день. Я думал, что если все это предопределил господь, то, наверно, он и послал мне Эверетта Кана, и я щадил его как можно дольше.

Но однажды я поймал Эверетта, когда он писал от моего имени требование на запасные части, которых я никогда не просил. Тут уж я высказал ему все напрямик. Он был крепкий парень и любил давать волю кулакам. Так вот он и решил предоставить кулакам говорить вместо него. Он сбил меня с ног, и пока я молил бога дать мне силы не отвечать насилием на насилие, Эверетт сбил меня с ног еще раз. Тогда уж я поднялся с земли с чистой совестью, потому что пробовал, как говорится, подставить другую щеку, взял в работу Эверетта и трудился над ним до тех пор, пока он не разладился настолько, что пришлось отправить его в ремонт.

Слух об этом дошел до Исцелителя, он позвал меня и дал нагоняй, но не слишком зло, по-отечески. Я решил, наконец, обо всем ему рассказать, и сразу после этого все изменилось к лучшему. Эверетта и его дружков-греховодников отпустили на все четыре стороны, а на его место поставили меня, поручив вести дело, как полагается.

Жизнь моя начала складываться как нельзя лучше. Всех своих работников я заставлял трудиться на совесть и честно отчитываться в деньгах. Некоторые из тех, кто норовил опять свернуть на дурной путь, немного ворчали, но никто не делал и не говорил ничего такого, что могло привести к настоящей ссоре. Я не мог нарадоваться тому, как все хорошо уладилось, и отдавал большую часть недельной получки Исцелителю на добрые дела.

Только так Исцелитель и вознаграждался за свои труды — благочестивыми даяниями. Он не назначал никакой платы людям, пользовавшимся его целебной силой, а только напоминал им, что примет с благодарностью всякое даяние верующих и употребит его на добрые дела. И когда мы переезжали из города в город, останавливаясь в каждом из них на неделю, пожертвования лились бурным потоком, как внешние воды в каменистом ложе ручья.

Диву даешься, сколько людей хотело участвовать в добрых делах! Даже те, у кого не было сил выбраться из дому, кому приходилось следить за молитвенными собраниями по радио и телевидению, — и те слали свои пожертвования. Чарльз Фиш сказал мне, что в почтовое отделение близ Райского уголка, где Исцелитель строил для себя церковь, приходило каждый день столько пожертвований, что там организовали специальный отдел для обработки денежных переводов на имя Исцелителя. И это понятно, сказал Фиш. Многие несчастные страдалцы избавились от смерти одним лишь прикосновением к изображению Исцелителя на экране телевизора. Фиш носил в кармане их письма и показывал по дороге безбожникам, насмеявшимся над Исцелителем. Чаще всего это были репортеры, которые не могли найти для себя лучшего занятия, чем проверять деяния Исцелителя и высмеивать его.

Летом мы пересекли северную часть Соединенных Штатов, а потом свернули на юг и зимой колесили по южным штатам. И вот там, на юге, я понял, что со мной творится что-то неладное, и причиной всему была Эмили Джонс, дочь Исцелителя.

Я не назвал бы ее хорошенькой девушкой: для этого она была, пожалуй, слишком бледной и тщедушной. Но у нее была складная фигурка, большие карие глаза и такие длинные, черные волосы, каких мне никогда не приходилось видеть.

Сначала я ее почти не замечал, но потом она стала всюду мне попадаться на глаза, куда бы я ни пошел, так что я начал смотреть на нее, и мне начало нравиться то, что я видел. Вот в этом-то и была вся беда, так как дьявол не терял времени даром и начинал мою голову самыми ужасными мыслями. От одного сознания, что это за мысли, меня бросало в пот, я старался их побороть.

Я боролся с ними что было сил. Вместо сочного куска мяса брал на обед овощи, сидел в ледяной воде, пока не посинею, подолгу молился, воздев руки к небу, пока их не начинало колоть, как ножами. Но

ничего не помогало мне. А тут еще мисс Эмили — и это было самое худшее — взяла за привычку гулять со мной вечерами после молитвенных собраний, совсем не думая о том, чего мне стоили эти прогулки.

Мне казалось, что если я наберусь храбрости и расскажу ей о своей беде, все уладится. Но я никак не мог решиться на это. Наконец я все же это сделал однажды вечером в маленьком лесочке около Талсы в Оклахоме. Мы немного погуляли, а потом сели на бревно отдохнуть в густеющих сумерках, прислушиваясь к жужжанию насекомых и шуму ветра, стонавшего в вершинах деревьев как потерянная душа.

Я рассказал ей обо всем, что меня тревожило, но мои слова подействовали на нее иначе, чем я ждал. Когда я кончил, она долго сидела молча и наконец сказала, как бы размышляя вслух:

— В библии сказано: плодитесь и размножайтесь. Есть законный и праведный путь к этому, Аарон Менефи.

Я не сразу понял, к чему она клонит, а когда разобрался, прискочил как ошпаренный.

— Вы говорите о женитьбе, мисс Эмили?

— А почему бы и нет? Разве вы против брака, Аарон?

Я с трудом находил слова:

— Против? Нет, почему... Только я никогда не задумывался... Не знаю, пора ли мне...

Она придвинулась ко мне ближе, ее плечо коснулось моего, и я почувствовал, что от нее исходит такая же сила, как от ее отца.

— Не называй меня больше мисс Эмили, — сказала она. — Теперь я для тебя просто Эмили. А если говорить, готов ли ты к женитьбе в свои двадцать пять лет, так ты, дружок, давно опоздал. Будь ты капельку умнее, ты бы понял, что подсказывают мысли, которые бродят в твоей голове.

Ничего подобного, признаюсь, мне никогда не приходило на ум, и когда она сказала эти слова, у меня точно камень с души свалился. Внезапно мне показалось, что ее плечо, тесно прижатое к моему, — это тоже предопределено, и моя рука, обнявшая ее талию, — самая естественная в мире поза. Но мою радость скоро нарушила тревога.

— А что скажет Исцелитель? — вырвалось у меня. — Я ему обязан всем и не сделаю ни шага без его согласия и благословения.

Мисс Эмили задумалась.

— Я его единственная дочь, Аарон, — сказала она, — и отец хочет держать меня на привязи. Не лучше ли нам ускользнуть и пожениться, а уж потом сказать ему?

— Нет, — ответил я. — Это будет хуже, чем змеиный укус. Нам нельзя так делать.

— Нельзя?

— Да, нельзя. Нужно, чтобы все было, как положено, или совсем отказаться.

Мы сразу пошли к Исцелителю. Он сидел за столом в глубине большой палатки вместе с Чарльзом Фишем и двумя-тремя другими помощниками, которые подсчитывали пожертвования и готовили их к сдаче в банк на следующий день. Когда они ушли, я чистосердечно рассказал обо всем Исцелителю. Мисс Эмили, бледная и притихшая, сидела рядом со мной.

— Ни одному человеку не дано судить о себе,— закончил я.— Достойный я человек или нет, это вам виднее.

Ему наша затея не понравилась, это я сразу понял. Некоторое время он сидел молча, туго сплетя пальцы, а когда заговорил, его голос звучал уныло.

— Поверь мне, брат Менефи,— сказал он, растягивая слова,— у меня нет сомнений, что ты достойный человек. Достойнее трудно найти... Но ведь дело не только в этом. Эмили — единственное дитя, дарованное мне богом, и она унаследует все, что мне послал господь. А я могу признаться тебе, брат Менефи, он многое послал мне за эти годы.

— Что ты! — вмешалась Эмили.— Он хочет жениться на мне не из-за денег. У него и в мыслях нет...

— Я не о том,— сказал, раздражаясь, Исцелитель.— Вам вот что надо понять: я держу в руках большое дело, очень большое дело. Тут и сбор пожертвований на молитвенных собраниях, и доходы от радиопередач по всей стране, от продажи молитвенников, а скоро будут еще поступления от нашего храма, когда мы его откроем. Обо всем надо позаботиться. Работы по горло. Только крепкий человек может тянуть эту лямку вместо меня...

— Знаю, о ком ты. Это Чарли Фиш! — воскликнула Эмили.— Сто раз говорила — не выйду за него, будь он единственный мужчина на земле.

Исцелитель перегнулся к ней и похлопал по руке.

— Ну, хорошо, хорошо. Пусть не Чарли Фиш, а другой человек с его способностями, если тебе придется по вкусу. Сила, которой я наделен, позволила мне собрать богатую жатву. Придет время, и все это будет в твоих руках, Эмили. Твой муж должен быть способным партнером. Брат Менефи достойный человек, но для этого не подходит. Я не могу дать согласия на этот брак, он не сулит ничего хорошего. Больше я о нем и слышать не хочу.

У меня сердце упало, как тяжелый камень.

— Я верю вам, Исцелитель, но трудно мне придется теперь. Ни одну женщину я не любил так сильно и, наверно, никогда не полюблю.

— Вера может сдвинуть гору,— сказал Исцелитель.— Полагайся на веру и забудь думать о мисс Эмили. Я распоряжаюсь ее поступками, пока живу на земле. А когда умру, она сможет сама выбирать свой путь, но до этого еще далеко, брат Менефи, я еще долго буду жить, судя по моему здоровью и заложенной во мне силе. На твоём месте я поло-

жил бы глаз на другую, более подходящую тебе женщину.

Я ушел от него удрученный, как никогда. Проходили дни, недели, а впереди, казалось, не было никакого просвета, хоть мисс Эмили и старалась меня утешить.

— Ни за кого другого я не выйду, Аарон,— говорила она.— Буду ждать тебя всю жизнь.

Но от этого мне становилось еще тяжелее. Казалось, все обрушивается только на мои плечи, будто дьявол поддел меня на свои вилы. Пока цепляешься за них, дьявол не может сбросить тебя в пылающий внизу огонь, но и ускользнуть на свободу тоже не удастся.

С наступлением весны мы повернули на север. Ничто не изменилось к лучшему к тому времени, когда мы приехали в Цинциннати, откуда рукой подать до моего родного поселка. Мое подавленное состояние навело меня на мысль повидаться с доктором Баклсом. Да я к тому же обещал завернуть к нему, если окажусь поблизости. Хоть помочь мне доктор, понятно, не мог, он всегда умел поднять настроение, если отвлечь его от сквернословия и задиристых споров.

Я получил разрешение взять лимузин, чтобы съездить к доктору после молитвенного собрания, приналег на мотор и мгновенно проделал весь путь. Подъехав к дому Баклса, я увидел, что в окнах горит свет и занавески опущены. Меня это не удивило. Я знал, что доктор ложится спать поздно и не любит, чтоб к нему заглядывали в окна, когда он сидит в своей комнате наедине с бутылкой виски. Но я очень удивился, едва переступил порог прихожей. Дверь за мной захлопнулась как бы сама собой, и что-то твердое уперлось мне в самый хребет. Меня еще никогда в жизни не пихали дулом пистолета, поэтому странно, если поразмыслить, как я мог сразу догадаться, даже не оборачиваясь, что в спину мне уперся пистолет.

— Руки вверх! — приказал грубым голосом державший его человек.— А теперь иди дальше.

Он втолкнул меня в комнату и опять захлопнул за собой дверь. Тут я понял, что попал в переделку. Доктор уныло сидел в своем кресле, а на краю стола для осмотра больных примостился, свесив странно болтающиеся, как бы чужие ноги, какой-то человек с искаженным от боли, смертельно бледным лицом.

Доктор удивленно взглянул на меня, как бы не веря своим глазам, и покачал головой.

— Ну, зачем сюда ввалился? Нашел время, нечего сказать...

Сидевший на столе повернулся к Баклсу.

— Ты его знаешь? Что ему тут надо?

— Ничего,— ответил Баклс.— Это мой друг, оставьте его в покое. Если попали в беду, нечего портить жизнь всем другим. Я вас осмотрел и честно сказал всю правду, как перед богом. Ваши ноги парализованы, и ничего тут сделать нельзя. Я бессилен, да и никто другой вам не поможет.

Незнакомец ударил рукой по столу.

— Хватит болтать! — крикнул он и перевел взгляд на меня. — Есть другой врач в этой дыре?

— Нет, насколько мне известно, — ответил я после короткого раздумья.

Он опять ударил рукой по столу.

— Врешь! Ты от меня что-то прячешь!

— Я никому еще не врал, сколько живу на нашей благословенной земле. Зачем мне губить свою душу и говорить вам неправду?

— Ладно, ладно, — оборвал меня он. — Но кто же вас всех тут лечит, коль всерьез заболете? Ведь не этот же старый шарлатан?

Внезапно меня озарило, будто солнце встало над нашей древней Черепаховой горой. Это тоже предопределено, как и все с того самого дня, как я впервые увидел год назад Исцелителя. Мне выпал жребий спасти доктора Баклса от вечных мук, выхватить его душу из адского пламени, как головешку из костра. Если он увидит своими глазами силу Исцелителя, он несомненно найдет путь к спасению.

Я сказал:

— Доктор Баклс — опытный врач, и все же многое ему не под силу. Но тут есть кое-кто, кому всегда удастся справиться с любой болезнью. Он и меня вылечил, хотя доктор Баклс ничего не мог сделать. Он каждый вечер исцеляет всех, кто к нему приходит, от каких угодно недугов.

Сидевший на столе смотрел на меня, хватая воздух разинутым ртом и полужакрыв глаза.

— Это еще что за басня?

— Нет, это правда! — воскликнул я. — Спросите доктора, он скажет.

Доктор Баклс перегнулся ко мне через стол.

— Не суйся в это дело, Менефи. И пусть твой друг Исцелитель тоже не суется. Ты не знаешь, с кем говоришь, так я тебе скажу. Это Верн Байерс — полусумасшедший и оголтелый головорез. Он убил полицейского, всадившего в него пулю, а потом преспокойно застрелил врача, который пытался вынуть эту пулю, за то только, что у врача сорвалась рука. Наверно, потому, что работал под наставленным на него пистолетом. Такому человеку опасно морочить голову, Аарон. Держи язык за зубами и считай себя счастливым, если увидишь завтра восходящее солнце.

Верн Байерс уставился на Баклса. Его глаза горели на бледном лице, как угольки.

— Значит, ты кого-то прятал от меня, старый козел?

— Нет, — поспешно возразил я. — Он никого не прятал. Просто он ничего не знает о таких целебных средствах, о внутренней целительной силе, заложенной в человеке...

— Мне наплевать, какие это средства! Тащи сюда этого малого!

— Нужна вера, брат Байерс. Вы верите в исцеление?

— Какая еще там вера? Он должен меня вылечить, вот и все! Ты слышал? Должен!

Он распахнул пиджак, и я увидел болтающийся у него на груди пистолет. Вытащив бумажник, он достал большую пачку денег.

— Смотри! Вот тысяча долларов! Что выпучил глаза, как дурак! Суй скорее в карман. Это для твоего врача, чтобы шел сюда. Скажи ему, что здесь его ждет еще тысяча. Хорошие деньги, верно?

— Брат Байерс, Исцелитель не берет платы за свои деяния. Но если это пожертвование на добрые дела, он будет доволен.

— Называй как хочешь. Пусть только придет быстро. Через два часа все шоссе в штате перекроют. Мне нельзя здесь долго торчать. А теперь послушай, что я тебе скажу,— медленно произнес он, опять полускрыв глаза.— Только не смей говорить это своему парню, когда пошлешь его ко мне. Этот жирный знахарь не врал. Я ухлопал шарлатана, который взялся чинить мои ноги и искорежил их. И я прикончу каждого, кто положит в карман мои деньги и не поставит мои ноги на место. Клянусь могилой матери!

Человек с пистолетом, стоявший у меня за спиной, вытолкнул меня из дома, впихнул в машину и уселся рядом. Мне было немножко не по себе, когда я вел машину под дулом пистолета, но все же мы быстро доехали до лагеря.

Мой спутник вылез за мной из машины, тыча мне в ребро пистолетом. Когда я вошел в палатку, он остался у входа, но я знал, что пистолет по-прежнему направлен в мою сторону.

Исцелитель сидел за столом с Чарльзом Фишем и другими. Я подошел к нему как ни в чем не бывало.

— Исцелитель,— сказал я,— тут стоит один человек, его друг нуждается в помощи.

— Так поздно? — удивился Исцелитель.— Наверно, что-то очень серьезное, брат Менефи?

— Наверно, Исцелитель. Смотрите, вот какое он сделал пожертвование.

Все вытаращились на меня, когда я достал из кармана и протянул ему пачку.

— Обещал дать еще столько же, когда приедете.

Исцелитель взял деньги, глаза у него загорелись.

— Брат Фиш,— сказал он, передавая пачку.— Добавьте это к сегодняшней выручке. Такой у нас, кажется, уже давно не было. Он встал и потрепал меня по плечу.

— Так ты сказал, что еще такое же пожертвование ждет меня, брат Менефи?

— Да, Исцелитель. Только меня беспокоит одна вещь...

— Что же?

— Не знаю, есть ли вера у брата Байерса, которому нужна ваша

помощь. Я его спросил напрямик, да он ответил так, что я не понял, есть у него вера или нет. Он грешник, Исцелитель, и стоит на пути к вечным мукам. Может быть, теперь, в час испытаний, у него появилась вера, но я не знаю.

Исцелитель рассмеялся так откровенно и шумно, что я залился краской.

— Ты молод и усерден в вере, брат Менефи, но ничего не понимаешь в таких вещах. Иначе ты бы знал, что всякий, жертвующий такие деньги, всегда готов к действию моей целебной силы. Так где же он, несчастный страдалец?

— В поселке по ту сторону Цинциннати, — ответил я. — Здесь ждет его друг, он нас отвезет.

Мы вышли из палатки. У входа стоял мой спутник, засунув руку в карман. Я понял, что он держит в ней пистолет, нацеленный на меня. Мне хотелось предостеречь Исцелителя, но в тот момент это было довольно рискованно. Они сели в машину спереди, Исцелитель у руля. Я собрался занять заднее место, но Исцелитель протянул руку, отстранил меня и захлопнул дверцу.

— Спасибо, брат Менефи, — сказал он, — думаю, ты нам не понадобишься в этой поездке.

Прежде чем я успел что-нибудь сделать, он резко тронул с места машину и быстро поехал к шоссе.

Я стоял и смотрел на уходящие вдаль фонари, зная, что, когда они слегка нырнут, машина выйдет на шоссе. Я видел, как огни становятся все меньше и меньше. Наконец они мигнули и исчезли, точно маленькие звездочки в свете утренней зари. И все это время я молился, молился усердно, чтобы вера Байерса выдержала предстоящее испытание, как надеялся Исцелитель.

Но моя вера не ослабнет, что бы ни случилось. Человек не вправе судить о том, что предопределено.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. М. Фэллоу. СОБИРАТЕЛИ ПУГОВИЦ. Перевод Л. Биндеман и В. Лимановской	3
Майк Куин. ТЕХНИКА ДЕМОКРАТИИ. Перевод Л. Биндеман	14
Эд Дюмонт. ДУРАЦКИЙ СПОСОБ. Перевод Н. Колпакова	18
Рассел Бейкер. ПАМЯТКА ЖЕЛАЮЩИМ ВЫЖИТЬ. Перевод Н. Колпакова	21
Рассел Бейкер. И ТАК ДО САМОГО СНА. Перевод Н. Колпакова	23
Стерлинг Браун. СОЕДИНИТЕЛЬНЫЙ ИЛИ РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЙ?. Перевод Н. Колпакова	26
Рассел Бейкер. КУСАЧАЯ МЕДИЦИНА. Перевод Н. Колпакова	32
Стенли Эллин. ВЕРА ААРОНА МЕНЕФИ. Перевод Л. Биндеман	35

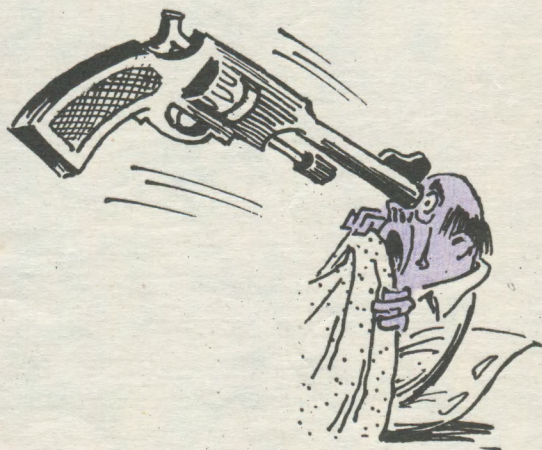
ДУРАЦКИЙ СПОСОБ

Редактор М. Э. Виленский

Техн. редактор С. М. Вайсборд.

Сдано в набор 15.01.85 г. Подписано к печати 11.04.85 г.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,93.
Тираж 75 000. Цена 30 коп. Изд. № 848. Заказ № 1085.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», Москва А-137,
ГСП, ул. «Правды», 24.

30

Цена 30 коп.

Индекс 72996

30
Цена 30 коп.

Индекс 72996

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

9
(974)

ISSN 0132—2141

ДУРАЦКИЙ СПОСОБ